АГЛАИДА ШИМАНСКАЯ

НОВОЛУНЬЕ

ПАРИЖЪ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Капля в море. Первая книга стихов. **«Рифма», Париж 1950**

АГЛАИДА ШИМАНСКАЯ

НОВОЛУНЬЕ

ВТОРАЯ
КНИГА СТИХОВ

РИФМА
ПАРИЖ
1955

Меня тревожит луна
Своим настойчивым взглядом:
Похожа на смерть она —
Взошла и блестит над садом.

Сквозь штору мне сердце жжет
И шлет свысока проклятье,
Змеей на меня ползет
И льет серебро на платье.

Горящие угли глаз
Безмолвно зовут к ответу
И в этот покорный час
Спасения нет от света.

* * *

Обнимет ночь прозрачными руками,
Тревожит память беспокойным сном,
Но тайну душ за тайными мирами
Мы все равно нигде не узнаем.

Я вижу наяву и в сновиденьи:
Волшебный шар сияет надо мной —
Любви земной слепое отраженье,
Печали цвет прозрачно голубой.

ЛЮБОВЬ

1

Любовь, ты нашла приют,
А кто-то найдет забвенье,
И ветку белой сирени
На кладбище понесут.

Тебе никого не жаль,
Ты нежность питаешь мукой.
Я помню тебя, разлука
И плач и густую вуаль.

Где счастье волною бьет
Там сердце в тени тоскует.
Я знаю песню такую,
Которую смерть поет.

Мне снится печальный зов:
Ты — радость, ты — скорбь земная,
Тебя я всегда узнаю —
И песню твою без слов.

Как ветер — шаги твои,
Крестом распростерты руки.
Не трогай моей любви,
Не пой о моей разлуке.

2

Мучительно спит земля,
Красавица и колдунья,
Над ней плывет новолунье
Воздушного корабля.

Легла на нее печать
Гордыни, ожесточенья,
И Каина преступленье
На сердце лелеет мать.

Мучительно спит земля,
Горбатая и слепая
И нежная, кружевная,
В цветении миндаля.

3

Когда упадет звезда
И сердце пронзит земное —
Любви не найти следа
И небо совсем чужое.

Весной было много роз,
И ласточек легких стаи
И яблони расцветали, —
Душа, ты темна от слез.

Калекой у храма ждешь,
Зажжешь огонек в больнице,
Холодным утром встаешь
И падаешь мертвой птицей.

Тебя на погост несут,
Ты — девочка в белом платье. —
Не страшен Господен суд,
Страшнее земли объятья.

Потерян небесный путь,
Слезами земля размыта,
Земля до корней разрыта,
Земля упадет на грудь.

Мы с тобой одним дыханьем живы.
Вечным чудом зеленеет лес.
Эти листья и цветы правдивы,
В незабудке — уголок небес.

«Ночевала тучка золотая...»
Ты случайно свет не потуши:
Разве может быть душа — плохая,
Разве можно — не иметь души?

Из темного окна бросают крошки хлеба
На узкий двор.
Чужая женщина, всегда в повязке белой,
Скользит у штор.

И тень ее по вечерам меня тревожит
И свет луны.
Она вошла мне в душу и глядит все строже
Из глубины.

Я сплю и слышу пенье птиц когда светает,
И вот, во сне,

Она свое окно и шторы открывает
И светит мне...

Перешел слепой через дорогу –
Белый посох, белые зрачки.
Люди в церкви помолились Богу
И опять от Бога далеки.

В магазинах столько безделушек
И цветы повсюду продают.
Подобрали нищую старушку —
Лоскутки на кладбище свезут.

Проходящих беспокоит пьяный,
Все твердит о чем-то о своем,
Облака летят, закат багряный
Алым разливается вином.

Мышь попалась на кусочек сала —
Капля крови — это мир в крови.
Жизнь проходит, жизни слишком мало,
Время, Господи, останови!

С ТОЙ СТОРОНЫ

1

Мокнет и дрожит осина,
Ветер, на поминках вой!
Схоронила баба сына
В дни защиты боевой.

Плачет баба, плачет, плачет,
Дождь ручьями бьет в окно.
Не могло и быть иначе,
Нет спасенья все равно.

Время тянет, тянет нитку,
Ждет невеста жениха.
Где-то скрипнула калитка,
Где-то разлилась река.

Взрыв. Огонь. Летят осколки.
Туча дыма и «ура!»
Нет избы — и баба смолкла.
Кровь остынет до утра.

Ночь прошла и вечность встала. —
«Я к тебе вернулся, мать!..»
Тихо. Тишина настала.
В небе начало светать.

2

День и ночь годами строят
И звенит и гнется сталь,
Пашут и могилы роют,
Никого уже не жаль.

А труба кричит гнусаво
И плюет кровавый дым.
— «Это — наше, нашу славу
Мы врагу не отдадим!»

Торопливо сердце бьется,
Час за часом, день за днем,
Кто-то на смерть разобьется,
Не достроив новый дом.

— «Человеком меньше стало,
Что-ж, людей не перечесть,
Толпы, толпы у вокзала,
Где там каждого учесть!»

— «Мама, мама, ты не слшишь —
Я сорвался, я упал!...»
— «Спи, мой мальчик, тише, тише,
Ты теперь героем стал!...»

3

Ходит, ходит старый поп
И все крестится.
На погосте новый гроб
Не поместится.

Время, время, не шути
С неудачею,
Лучше след замети
И запрячь ее.

Ночь тиха. Тень креста,
Небо лунное,
А солатик у моста —
Сердце юное.

4

Будет защита,
Молись, народ,
Церковь открыта,
Новый год!

Колокол, колокол,
Плачь и бей,
Горем и золотом
Край сильней.

Русские грозы,
Русская высь...
Русский мороз,
Крепись, крепись!

Молятся, молят,
Кресту верны,
Доля ты, доля
Моей страны!

5

Далеко, далеко, далеко —
Не найти тебя, не увидеть.
Разве жить без тебя легко —
Отказаться и ненавидеть!

Сколько лет, сколько лет прошло,
Ты меня разлюбить успела,
А когда-то мне песни пела
И мое берегла тепло.

Или ты изменила, Мать,
И богатство от бедных прячешь
И скупишься копейку дать —
Для того ль, чтобы стать богаче.

Народила других детей,
За борьбу — полюбила — смену...
Что страдание, что измена,
Если все для души твоей.

Летающее блюдце
Над городом несется,
Потоки света льются,
Упругий воздух рвется.

Откуда это чудо —
Из ада или рая,
Какая весть оттуда —
Лукавая? Благая?

Луна в объятьях тучи
Поднять глаза не смела,
А вихрь летит могучий —
Ему какое дело

До лунного сиянья,
До странника земного,
Как будто нет страданья
И мир построен снова.

Памяти поэтов В. и Ц.

Она и он... Они когда то жили
Где царство муз и моря синева —
И замолчали, и глаза закрыли.
А ты, земля, бессовестно жива!

Весну в наряд венчальный обрядила
И вся цветешь и снова влюблена. —
Не верю я, что благостная сила
Такой жестокой красоте дана.

Не верю, что не будет искупленья.
Когда нибудь покаешься и ты...
Они прошли — и не осталось тени
И даже не осталось пустоты.

Шумит стихия, налетают волны,
Взлетают волны взмахом черных крыл,
Глядит моряк и крестится невольно:
Чернее цвета Бог не сотворил.

И не было страшней такого вала
И горче слез соленая вода —
С какою мукой Муза провожала
Того, кто не вернулся никогда.

Погас маяк и темный берег стынет.
Забыто все, прошло так много лет.
А море Черное волнуется доныне,
Что погибающим спасенья нет.

С. К. Маковскому

Божья коровка
Слушает, не спит,
Как листок на ветке,
В темноте дрожит.

Мир такой огромный —
Не найти приют,
И цветок наверно
Скоро оборвут.

Месяц из-за тучи
Землю осветил
И печаль и радость
В сердце примирил.

Вишня кружевная
Грезит женихом,
Лунная дорожка
Потянулась в дом.

И свое томленье
Хочет превозмочь
С черными глазами
Голубая ночь.

М. В. Абельман

Опять прикосновенье простыни
И нежность равнодушная подушки,
Окаменевшее лицо стены,
Снотворное в туманной кружке.

По крышам тоже стелется туман,
Туман и наяву и в сновиденьи,
Тумана необъятный океан
И только уголька слепое тленье.

Но вдруг блеснула звездочка в глазах
И целый мир внезапно осветила —
Мое письмо на маленьких листках
И капли слез и капельки чернил.

КАЛЕНДАРЬ

1

Ранняя весна,
Воробьи шебечут,
Кто-то из окна
Видит нашу встречу.

В небе медный шар,
День кипит горячий,
Новенький бульвар
Нас в аллее спрячет.

Ковриком в ногах
Тени кружевные,
У тебя в глазах
Точки золотые.

2

Солнце свысока
Золото бросает,
Бурная река
Искры расспыпает.

Колокол гудит
Голова хмельная,
Улица дрожит
И жара такая.

Воздух изнемог,
Ты ослеп от света.
Золотой песок,
Золотое лето!

3

День без тепла несносен,
Неумолим и глух.
В парке скучает осень,
Лист как сухарик сух.

Мальчик бежит из школы,
Туча летит за ним,
Столбик на площади голой
Глазом мигнул косым.

Ветер засуетился,
Вырвал из рук платок,
С яростью напустился,
Сбил человека с ног.

4

Первый снег блеснул стыдливо,
Робко на скамейку сел.
Смотрит девочка на диво:
Детский садик поседел.

Звезды тают под ногами
И вся улица полна
И размазана слезами,
Фонарем освещена.

Господин на вид суровый,
Вату нес на котелке,
Шарф на нем наверно новый
И перчатка на руке.

Кошка мечется без толку —
Светятся ее зрачки.
Подышал мороз на елку
И глядит через очки.

У МОРЯ

1

Сердце стучит, ветер в ставни стучится.
Сон или явь эта жизнь и сырая постель?
Где-то над морем летит белоснежная птица,
Белый кораблик, волны кружевной колыбель.

Лето проходит и море куда-то отходит,
Золота небо не шлет, опускается мгла.
Первые слезы — подарок осенней погоде,
Первая гостья обидою в душу вошла.

К пропасти злая судьба подведет безразлично,
Коршун над жертвой своей прокричит о беде.
Что-ж, капитан, разве буря тебе лишь привычна?
Пить до пьяна, захлебнуться в соленой воде!

2

Плывет, плывет кораблик белоснежный –
Чудесная забава для людей,
А море бережно и матерински-нежно
Игрушку донесет до пристани своей.

Шумит, шумит и волны разливает,
Набросит кружево на сумрачный гранитъ, —
На каменном лице блеснет слеза живая
И сердце берега в приливе задрожит.

Родился маленький с небесными глазами,
В судьбой назначенный неотвратимый срок,
Поморщился, зашевелил губами,
Но плакать не умел и говорить не мог.

В раскрытое окно дышал горячий полдень
И небо жгло расширенным зрачком:
Казалось, день до края переполнен,
Остановился на пути своем.

Ударил колокол — и громко и спесиво,
Веревка прогнула, рванула за язык,
А сердце новое по новому пугливо
И страшен бьющий непонятный крик.

. . . .

Учи, мой мальчик, азбуку земную,
Подруга милая укажет путь.
Поймали в сетку бабочку слепую,
Чтоб крылья ей булавками проткнуть.

Не плачь, не плачь — и сил еще немного
И жизни ниточку легко порвать,
Я для тебя пою, шагай со мною в ногу,
Я — твой солдатик и любовь и мать.

. . . .

Река течет, а церковь все пустует,
Душа, какою силой ты жива?
Сгорают листья в засуху такую,
Не дышит небо. Выжжена трава.

Взлетает время острыми крылами,
На башне день и ночь стучит.
Спи, мальчик мой, святая воля с нами,
Светись надеждой огонек свечи.

Трепещет, тает огонек уныло
И, разметавшись, догорит до тла, —
А ты его так больно полюбила
И в скорбный час нечаянно зажгла.

Ирине Яссен

Звуки молчат и слова улетели куда-то.
Поле — страница, снежное поле вокруг;
Избы косые и темные крыши покаты:
Муза меня завела в заколдованный круг.

В чаще лесной не находит добычи волчица,
Вьюга любимую песню не может не петь —
Как бы услышать и музыке той научиться,
Льдинку в груди, а не сердце земное иметь!

По крутым ступеням поднимаюсь к портному,
Словно в рай,
И все окна сегодня глядят по иному —
Месяц май.

Я спешу, я взлетаю все выше и выше, —
Облака.
А весна подо мной рыбным запахом дышит
Тупика.

Осторожно спускаюсь на мостик воздушный,
Вижу дверь:
Это здесь обновляются бедные души
Без потерь?

Юрию Терапиано

День светил,
Маргаритка цвела.
Домик был
И калитка была.
Два окна,
Серебристый кот,
Тишина,
Липа тень дает.
Встанет баба
И весь день стучит,
Ночью жаба
О беде кричит.
Ночью мята
Одурманит пруд,
Чертенята
Угольки зажгут.
Рожки пляшут
И дрожит цветок,
Ветки машут
И лети песок,
Дверь закрыта
До восхода дня —
Маргарита,
Полюби меня!

Д. В. Кузьмину-Караваеву

Осенним утром дребезжит шарманка.
Так рано. Улица еще темна.
Озябла маленькая обезьянка
И кто-то бросил деньги из окна.

Не вздрогнула, сидит, как не живая:
На что ей деньги, ей приснился хлеб.
Она голодная, всегда больная.
Ее хозяин на войне ослеп.

Но для нее он так немного значит.
Она боится, он совсем чужой,
И сердце обезьянье долго плачет
И смотрит утро на зрачек пустой.

Слушать ветер осенний при дороге в избушке,
Слушать скрип проезжих колес.
Где-то там, среди поля, в глухой деревушке
Лунный свет от родных берез.

Слушать долго, как плачет оконце слепое,
И не выплакать слез своих,
И не встретиться и не расстаться с тобою
И не скрыться от глаз твоих.

Слушать ветер, все слушать и слушать до боли,
До безумья, сорваться, лететь,
И твою непогоду и Божью волю
До последнего часа терпеть.

Ангелы на стенах утешали раем,
Торопились тени лечь на прах.
Дождь по крыше льется, и земля сырая,
И печаль земная... боль в сердцах.

Унесите тело, им душа томится.
Духота и слезы, сладкий дым.
«Помоги со смертью людям примириться» —
Молится под ризой серафим.

Ворота открыли ангелы, святые,
Проводили тело не спеша.
Голые деревья. Улицы пустые.
Крестиком расшита русская душа.

Окно мое на крышу,
Внизу — веселый бал.
Знакомый вальс я слышу —
Он в старину звучал
У Лариных, быть может, —
Татьяна, ты не спишь?
Для слез одно и то же
Москва или Париж.

Твоя перчатка здесь осталась
И бережет твое тепло.
Быть может, только показалось,
Что стало в комнате светло?

Твой пульс она и тут услышит,
Прикосновением жива,
Твоей рукою только дышит
Под синим светом рукава.

Колечки связаны прилежно
Верблюжьих золотых волос —
Она, сжимая руку нежно,
С тобой выходит на мороз.

А. М. Элькан

Сундук надел зеленый плед —
Его измучили дороги,
Уже его не носят ноги,
На нем судьбы жестокий след.

Давно ли — «с корабля на бал» —
В подъезде ярко освещенном
Швейцар встречал его с поклоном,
Теперь он цену потерял

И «заграницу» не взлюбил:
Он — оскорбленный старый барин,
Он за приют не благодарен
И всю одежду износил.

Его давление все ниже,
Им пролито не мало слез,
Он Пушкина сюда привез
И стал изгнанником в Париже.

Георгию Раевскому

БАБОЧКА

Бархата кусочек
на траву летит,
Из блестящих точек,
золотом расшит.

Небо растянулось
лентой голубой,
Утро заглянуло
в лоскуток живой.

Расступились тени,
стукнуло окно:
На одно мгновенье
полетать дано.

Солнце розовеет
розовым кустом,
Розовая фея
осветила дом.

Виктору Мамченко

Как будто хижина, но это дом,
Для каждого приют благословенный;
Как будто человек обыкновенный
Свою судьбу смиренно спрятал в нем.

Цветы цветут и птицы прилетают
И кажется, что близок плеск волны,
И золото лучей на розах тает,
И окна золотом освещены.

Нам говорят, что где-то в небе рай,
Он здесь — и на земле, он всюду с нами.
Нас утро ждет, омытое слезами, —
И ночь и день с молитвой принимай.

ЗАБЫТЫЕ НАПЕВЫ

Колеса мчат. вагоны громыхают,
Стальная грудь над пропастью дрожит
И крест в тумане руки простирает —
К тебе печаль. быть может, долетит.

Звезда чуть теплится на небе бледном.
Тревожен зов безумного гонца, —
Зажги огонь, свети окошком бедным,
Не прячь улыбку своего лица.

* * *

Жалость странницей приходит,
По ночам не спит.
Утомится на свободе —
В сердце постучит;
Холод. нищета, разлука,
Похоронный звон,
Трепет жалобного звука
В ней запечатлен.

Пристань. Лебедь белый,
Ива над водой,
Огонек несмелый
Вечером, зимой.

В небе чаек стая
Белоснежный пух
Как снежинки тает,
Темный берег глух.

Тень и мрамор белый
Дышат тишиной.
Ты мне песни пела
Вечером, зимой.

* * *

Тучка на небе была золотая —
Ветром ее унесло...
Только просветы и отблески рая,
Только на миг светло.

Остановись! — Зачем? Здесь полустанок,
Один фонарь и несколько домов;
Напрасно разбудили спозаранок —
Никто не откликается на зов.

Вокруг туман и сонное болото
И воздух засыпает на лету.
Закрыты окна, заперты ворота:
Не уходи за черную черту.

* * *

Мне чудится, что ты из мертвых встала
И на любовь меня благословишь.
Любовь. Молчанье, пустота вокзала.
Косые крылья темных крыш.

* * *

Пришла печаль и душу мне согрела,
Пришла печаль — и плакала и пела
Родные песни родины своей.
Всю ночь горела лампочка над ней.
Всю ночь ребенок надрывался где-то,
И дождь не унимался до рассвета.

СОДЕРЖАНИЕ

Окончена печатанием
30 января 1955 г.
в Париже.

Imprimerie Beresniak, 12, rue Lagrange. Paris 5ᵉ.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ
СЛЕДУЮЩИЕ СБОРНИКИ РИФМЫ

Вадим Андреев. Второе дыхание.

Вера Булич. Ветви.

Анатолий Величковский. Лицом к лицу.

Тамара Величковская. Белый посох.

Георгий Иванов. Портрет без сходства.

Юрий Иваск. Царская осень.

Владимир Злобин. После ее смерти.

Вл. Корвин-Пиотровский. Воздушный змей.

А. Ладинский. Роза и чума.

Сергей Маковский. Круг и тень.

Сергей Маковский. На пути земном.

Юрий Мандельштам. Годы.

Владимир Набоков. Стихотворения (1929-1951).

Ирина Одоевцева. Контрапункт.

Георгий Раевский. Третья книга.

Юрий Терапиано. Странствие земное.

Юрий Трубецкой. Двойник.

Игорь Чиннов. Монолог.

А. Шиманская. Капля в море.

А. Шиманская. Новолунье.

Анатолий Штейгер. Дважды два четыре.

Е. Щербаков. Свет и камень.

Ирина Яссен. Лазурное око.

Склад издания: ДОМ КНИГИ, 9 rue de l'Eperon, Paris